

DOI: 10.31857/S0130386425030079

© 2025 г. А.Г. МАТВЕЕВА

МЕЖИМПЕРСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПОЛЬСКОМ ВОПРОСЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века – СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ? (ПО ДОКУМЕНТАМ АВПРИ)

*Матвеева Анна Геннадьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*

E-mail: annagmatveeva@yandex.ru

*Scopus Author ID: 57215188769; ORCID: 0000-0003-3870-732X; Researcher ID:
AAS-6783-2020*

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. Политика Германии в отношении польского национального меньшинства довольно редко становилась предметом исследований российских историков. Специальных работ по межимперскому взаимодействию трех держав, участвовавших в разделах Речи Посполитой, в XIX – начале XX в. написано до сих пор не было, несмотря на очевидную историческую значимость и актуальность данной проблемы. Сложный, даже трагический период российской и польской истории, связанный с восстанием 1863–1864 гг., является примером сотрудничества Пруссии и России, причиной которого была взаимная заинтересованность держав в обоюдной поддержке для реализации собственных политических целей. После отставки Отто фон Бисмарка и полной переориентации внешней политики Германии с поддержания достаточно близких и очевидно взаимовыгодных отношений с Россией на разрыв имевшихся связей курс этих держав в польском вопросе стал формироваться практически исключительно исходя из их собственных внутривнутриполитических задач и долгосрочных внешнеполитических планов. Избранный для исследования в данной статье период 1890–1897 гг. является переходным от осторожной политики Бисмарка к «мировой политике» Бернгарда фон Бюлова и Вильгельма II, которые видели в польских территориях поле будущей войны с Россией, в связи с чем Берлин вернулся к жесткому германизаторскому курсу, который был смягчен в краткий период пребывания у власти канцлера Лео фон Каприви. Вопросы межимперского взаимодействия и формирования схожего политического курса в немецкой и русской Польше перестали интересовать и Берлин, и Петербург. Источниками при написании статьи являлись преимущественно дипломатические документы из фондов Архива внешней политики Российской империи, впервые вводимые в научный оборот.

Ключевые слова: Германия, Россия, Польша, Царство Польское, внешняя политика, польский вопрос, Альвенслебена конвенция, Польское восстание (1863–1864), национальные меньшинства, национальная политика, германизация, Отто фон Бисмарк, Вильгельм II, Бернгард фон Бюлов.

A.G. Matveeva

The Polish Question in Russian-German Inter-Imperial Relations: Cooperation or Confrontation? A Study Based on Archival Documents

Anna Matveeva, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: annagmatveeva@yandex.ru

Scopus Author ID: 57215188769; ORCID: 0000-0003-3870-732X; Researcher ID: AAS-6783-2020

The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. German policy towards the Polish national minority has seldom been examined by Russian historians. Furthermore, no dedicated studies have yet addressed the inter-imperial interactions among the three powers involved in the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth during the nineteenth and early twentieth centuries, despite the evident historical significance of this issue. The tumultuous period of Russian and Polish history surrounding the 1863–1864 uprising (the January Uprising) exemplifies a temporary cooperation between Prussia and Russia, driven by mutual interests in supporting each other's political objectives. However, following Otto von Bismarck's resignation and Germany's subsequent shift in foreign policy – from maintaining relatively close and mutually beneficial relations with Russia to a deliberate rupture – the policies of both powers regarding the Polish question increasingly reflected their respective domestic political concerns and long-term foreign strategies. The years 1890–1897, selected for this study, mark a transitional period, shifting from Bismarck's cautious diplomacy to the “world policy” of Bernhard von Bülow and Wilhelm II. This period saw Germany view the Polish territories as a potential theatre for future conflict with Russia, prompting a return to harsh Germanisation policies, although these were briefly moderated by the conciliatory “New Course”. During this time, both Berlin and St. Petersburg became less interested in inter-imperial cooperation, with their focus shifting away from the Polish issue. The primary sources for this article are diplomatic documents from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, many of which are being introduced into scholarly circulation for the first time.

Keywords: Germany, Russia, Poland, Kingdom of Poland, foreign policy, Polish question, Alvensleben Convention, January Uprising (1863–1864), national minorities, national policy, Germanisation, Bismarck, Wilhelm II, Bernhard von Bülow.

Со времени разделов Речи Посполитой (конец XVIII в.) польский вопрос являлся, во-первых, международным, во-вторых, не терявшим остроты и актуальности. После потери государственности Польша стала ареной взаимодействия не только разделивших ее держав, но и других европейских игроков. В первую очередь речь идет о Франции, которая до 1870-х годов наиболее активно поддерживала стремление поляков к восстановлению независимости, видя в этом возможность отвлечь внимание Австрии, Пруссии и России от других внешнеполитических направлений, одновременно ослабляя их внутренне и осложняя отношения между ними. В этом контексте особый интерес представляет вопрос, каким же образом польская проблема и все так или иначе связанные с ней международные противоречия влияли на российско-германские отношения в разные периоды, было ли это взаимодействие скорее сотрудничеством или же противостоянием, иногда достаточно острым. На данный вопрос мы постараемся ответить в настоящей статье, призванной

в ограниченной степени восполнить существующую в отечественной историографии лагуну¹. Справедливости ради стоит заметить, что и германская историческая наука не предложила сколько-нибудь удовлетворительного и современного взгляда на эти проблемы.

Российские полонисты занимаются преимущественно историей тех польских территорий, которые вошли в состав Российской империи. В фокусе их внимания находятся вопросы национализма, восстаний в Царстве Польском, деятельности различных политических партий и организаций. Нам не удалось найти работы, которые рассматривали бы германо-российские отношения под «польским углом зрения». Поэтому данное исследование проведено главным образом на основании архивных документов, хранящихся в фонде «Канцелярия» Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Одним из наиболее репрезентативных для такого исследования источников, с нашей точки зрения, являются депеши и аналитические записки российских дипломатов из посольства в Берлине. В них содержатся анализ и оценки германской политики в отношении польского населения прусских провинций Познань и Западная Пруссия преимущественно в контексте важности (для властей в Петербурге) понимания процессов, происходивших на этих территориях, а также основных направлений политики Берлина в целом и возможности/невозможности использования германского опыта на российских территориях, населенных поляками.

Мы неоднократно обращались к сюжетам, связанным с польским населением прусских провинций² и правительственной политикой по отношению к нему, которая, однако, не рассматривалась с точки зрения межимперского взаимодействия и отношений между Россией и Германией. Наиболее интересным в данной связи представляется период так называемого вильгельминизма, охватывающий временной отрезок от отставки Отто фон Бисмарка (1890) до начала Первой мировой войны. Именно в эти годы происходит переход Германии от вдумчивого выстраивания отношений с Россией для обеспечения безопасности восточных границ и «жонглирования пятью шарами» к «мировой политике» (1897), предполагавшей формирование военно-политических блоков и союзов между европейскими державами. Постепенно германское руководство приходит к пониманию того, что в будущем конфликте этих блоков Петербург и Берлин окажутся противниками, а польские земли — наиболее вероятным театром военного столкновения между ними.

В данном исследовании мы постараемся только пунктирно обозначить основные направления германской политики в польском вопросе до 1897 г., которая де-юре оставалась прусской, т.е. формировалась в прусских органах власти и находилась в сфере ответственности прусского ландтага, хотя по своим целям и задачам была имперской. Менялась, трансформировалась она также в логике общеимперских, а не прусских изменений, что особенно отчетливо можно проследить по роли польской фракции в рейхстаге, которая в отдельные периоды, благодаря причудам электоральной расстановки сил, становилась чрезвычайно важной и даже определяющей для судьбы некоторых имперских законопроектов.

Самым известным примером взаимодействия двух империй по польскому вопросу в период, предшествующий рассматриваемому в данной статье, была ситуация, сложившаяся во время восстания 1863—1864 гг. в русской Польше. Самое авторитетное мнение по этому

¹ Германской политикой на западных польских землях отечественные историки занимались мало, стоит упомянуть лишь следующие работы: *Рубинштейн Е.И.* Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX — начале XX века. М., 1953; *Якубчик В.* Прусская колонизация польских земель и ее вдохновители (1886—1918 годы) // Советское славяноведение. 1973. № 1. С. 29—39; *Тригорьянц Т.Ю.* Германская политика на польских землях в 70—90 гг. XIX века // *Studia historica slavo-germanica*. 1977. Т. 6. С. 89—112; *Фалькович С.М.* Национальное возрождение народа в условиях территориально-государственной раздробленности (на примере истории западных польских земель) // Науковий вісник Ужгородського університету. 2003. Вип. 8. С. 19—23.

² *Матвеева А.Г.* Политика правительства Каприви в сфере преподавания польского языка в Познанской провинции в 1890—1894 годах // Славяноведение. 2000. № 3. С. 71—80; *Ее же.* Канцлер Каприви и поляки: «новый курс» в политике Германии в 1890—1894. М., 2008; *Ее же.* Политика Пруссии в польских землях в первой половине XIX века // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 92—103.

поводу было высказано князем Бисмарком, который так определил главный для себя вопрос в связи с Польшей: «Я взял на себя руководство министерством иностранных дел под тем впечатлением, что вспыхнувшее 1 января 1863 г. (тут сноска с указанием на фактическую неточность, допущенную автором, так как восстание началось 22 (10) января. — *А.М.*) восстание затрагивало не только интересы наших восточных провинций, но и другой вопрос, более важный по своим последствиям, вопрос о том, какое направление преобладало в русском кабинете — дружественное Польше или антипольское, стремление к панславистскому, антигерманскому братанию между русскими и поляками или [идея] взаимной поддержки русской и прусской политики»³. Далее Бисмарк подробно пишет о заинтересованности Пруссии в поддержке России для реализации своих глобальных целей: «Для германского будущего Пруссии позиция России была вопросом первостепенного значения. Дружественное полякам направление русской политики благоприятствовало бы оживлению русско-французских связей, к развитию которых стремились при случае со времен Парижского мира и даже раньше ... В наших интересах было бороться против партии польских симпатий в русском кабинете...»⁴ После подробных рассуждений о превосходстве германского народа и германского духа над славянскими в целом и русскими и поляками в частности, что чрезвычайно интересно в свете его дальнейшей политики по отношению к польскому меньшинству, Бисмарк ссылается на якобы состоявшиеся доверительные беседы между ним (в бытность послом в Петербурге), А.М. Горчаковым и императором Александром II о готовности России «отдать часть Польши ... которая представляла источник беспокойства и европейских опасностей для России, а русификация ее неосуществима из-за различия вероисповеданий и из-за недостаточных административных способностей русских властей. Нам, немцам, удалось бы, по его (императора Александра II. — *А.М.*) мнению, германизировать (?) (так в тексте. — *А.М.*) польские области, у нас есть средства к тому, ибо немецкий народ культурнее польского»⁵.

Этот пассаж чрезвычайно интересен с различных точек зрения. Во-первых, он как нельзя лучше демонстрирует веру Бисмарка в возможность германизации польского населения Пруссии, попытки которой были главной составляющей политики Берлина в рассматриваемом вопросе в 1870—1880-е годы. Касаясь конвенции Альвенслебена⁶, подписанной в Петербурге в ходе Польского восстания 1863—1864 гг., Бисмарк отмечал, что она «имела для прусской политики скорее дипломатическое, нежели военное значение», и успех Пруссии заключался прежде всего в том, что она олицетворяла собой «победу прусской политики над польской», т.е. поражение либеральных сил в России, относящихся с симпатией к польским требованиям. Кроме Горчакова, Бисмарк относил к «либералам» великого князя Константина Николаевича, Александра Велепольского и других «влиятельных лиц».

Во-вторых, и это особенно важно — вопрос наличия в России «влиятельных политических сил», которые считали, что «над польской политикой России со времен Венского конгресса тяготело незрело продуманное и неудачно проведенное в жизнь присоединение к империи той части польских земель, которая получила у нас название Царства Польского. ... Отказ России от Царства Польского привел бы нас, весьма вероятно, к войне с Германией, владевшей значительной частью коренного населения, в отношении которого она не допускала никакого компромисса»⁷, — как писал позже министр иностранных дел С.Д. Сазонов. Идея о том, что в результате трех разделов Речи Посполитой Россия завершила собирание исконно русских земель, а территории, полученные по Венскому конгрессу,

³ Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания: в 3-х т. / пер. с нем. под ред. А.С. Ерусалимского. Т. 1. М., 1940. С. 224.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 224—225.

⁶ Подробно об изучении роли и значения конвенции см.: Камзолова А.А. Польское восстание 1863—1864 гг. в контексте европейской дипломатии: современные оценки российских историков // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5. История. 2023. № 1. С. 68—74.

⁷ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 368.

принесли Петербургу только беспокойство, вред и осложнение отношений с европейскими странами, была, видимо, достаточно широко распространена, но в официальных донесениях никак не отражалась. Современный отечественный исследователь внешней политики России О.Р. Айрапетов считает, что «Бисмарк самым серьезным образом относился к опасности ухода России из Польши и открыто говорил, что в этом случае Пруссия будет вынуждена оккупировать “конгрессовую Польшу”. Ослабление России было, конечно, нежелательным для Берлина»⁸. Поиск документов и более подробное рассмотрение этого вопроса должны стать предметом внимания историков.

Возвращаясь к 1863 г., Бисмарк переводит обсуждение конвенции и сотрудничества России и Пруссии, пусть и эвентуального, так как договоренности, прописанные в соглашении, не были в полной мере реализованы на практике, в категории не просто внутривосточные, но скорее даже философско-идеологические, где либеральное понофильство противостоит готовности консервативных российских политиков сотрудничать с Пруссией в вопросе ужесточения порядков в Царстве Польском. События 1863–1864 гг. подтверждают очевидную аксиому – Германия и Россия нуждались в координации своей политики в Польше, так как в противном случае возникли бы сложности, которые оба государства едва ли сумели бы преодолеть. Рассуждения же о либерализме и консерватизме следует рассматривать только как необходимые обоснования реальных политических шагов и защиты собственных государственных интересов.

В рассматриваемый период вначале постепенного охлаждения, а затем и ухудшения отношений между Российской и Германской империями, которые и до этого не были безоблачными, польский вопрос оставался и точкой соприкосновения, и камнем преткновения между ними.

В годы канцлерства Лео фон Каприви (1890–1894), когда репрессивная, германизаторская по своей сути политика, которую Бисмарк проводил по отношению к полякам⁹, сменилась «новым курсом» и «политикой примирения» со всеми бывшими «врагами империи», в том числе и с поляками, российское посольство с нескрываемой обеспокоенностью наблюдало за этими изменениями. В этот период польская тема впервые возникает на страницах депеш посла в Берлине П.А. Шувалова в 1891 г. В них он подробно сообщает в Петербург о новых назначениях, которые соответствовали ожиданиям поляков. Речь шла прежде всего о «назначении барона Цедлица, бывшего до сих пор обер-президентом Познани, на должность министра народного просвещения и замещении его по верховному управлению Познанью г. Вилламовичем, родом поляка, чего уже давно не бывало»¹⁰. При этом дипломаты обращали внимание на слухи, ходившие в немецких политических кругах, что деятельность Колонизационной комиссии, которая с 1886 г. занималась переселением на купленные у поляков земли немецких колонистов с целью германизации польских территорий, теперь будет носить исключительно экономический характер, а все политические задачи будут с нее сняты, что косвенно подтвердил факт отказа Х. Вилламовича-Меллендорфа от председательства в комиссии, что до этого было неизменной прерогативой обер-президента Познанской провинции. На замечания посла, что эти шаги являются свидетельством поворота в немецкой политике в Польше, министр иностранных дел Н.К. Гирс записал на полях депеши: «И далеко он уйдет с этим поворотом!»¹¹ Данный

⁸ Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 15. Польское восстание 1863 года. М., 2013. С. 77.

⁹ «Я полон сочувствия к полякам, но, если мы хотим существовать, нам не остается ничего другого, как их искоренить; волк не виноват в том, что Господь создал его таким, каков он есть, но мы все же стараемся его застрелить, когда можем», – писал Бисмарк еще в 1861 г. Цит. по: *Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе 1848–1918* / пер. с англ. А.О. Зелениной, Д.Э. Куниной, вст. ст. и ред. М.Н. Машкина. М., 1958. С. 166.

¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 138. Канцелярия. Оп. 470. Д. 16. 1891 г. Л. 152.

¹¹ Там же.

комментарий свидетельствует не только о скепсисе, который проявляла отечественная дипломатия к новой политике Берлина в западных польских областях, но и о серьезной озабоченности последствиями для России возможных позитивных изменений в отношениях польского населения и немецких властей в Познани и Западной Пруссии.

В это же время, ввиду важности для России немецкого опыта польской политики, посольство подготовило пространную аналитическую записку «История внутренней колонизации в Западной Пруссии и Познани за 1886—1891 гг.»¹², которая важна для нас не столько своим содержанием (хотя некоторые пассажи представляют несомненный интерес), сколько оценкой антирусской направленности польской риторики в рейхстаге и в ландтаге: «Та демонстративно патриотическая готовность, с которой польские депутаты рейхстага в последнюю сессию вотировали испрашиваемые правительством военные, особенно морские кредиты, те патриотические речи, которые были ими произнесены по этому поводу и которые направлены были своим острием против России, не преминули произвести очень благоприятное действие на правящие сферы и особенно на германского императора»¹³. Шувалов даже предложил переслать эту записку И.В. Гурко, поскольку «вопрос о внутренней колонизации польских областей Пруссии крайне интересует Варшавского генерал-губернатора»¹⁴.

В те же месяцы завершился долгий процесс согласования кандидатуры на архиепископский престол Познани и Гнезно. 15 декабря 1891 г. эту кафедру занял поляк Флориан Стаблевский, что рассматривалось как небывалая уступка польскому населению. Важно то, что эта кандидатура, продвигаемая польскими политическими и церковными кругами, прежде всего главой польской фракции в рейхстаге Юзефом Косцельским, стала приемлемой для Берлина только после того, как 27 сентября 1891 г. епископ Стаблевский выступил с речью в Познани по поводу папской энциклики *Regum novarum*, в которой он не только поддержал усилия императора Вильгельма в борьбе с социал-демократией, но и открыто высказался в антирусском духе, заявив, что задачей германской монархии является «борьба с восточным миром, во главе которого стоит Россия, принадлежащая к иной цивилизации, со своим официальным религиозным фанатизмом, с племенной ненавистью и претензией на мировую монархию и мировую гегемонию»¹⁵. П.А. Шувалов в этой связи писал о своей уверенности в том, что избрание Стаблевского архиепископом Познанским и Гнезненским окажет влияние и «вне пределов Пруссии» и что прежняя политика Бисмарка, направленная на «онемечивание польских областей», сдана в архив, что «католическая и польская пропаганда в Пруссии пойдут быстрыми шагами вперед» и только будущее покажет, «долго ли продлится это радужное настроение и не слишком ли далеко заходят в своих мечтаниях польские патриоты, опирающиеся на немецкие штыки?»¹⁶.

Через два года, летом 1893 г., когда польская фракция своей поддержкой фактически решила судьбу военного законопроекта, имевшего большое значение для правительства Каприви и формирующегося стратегического курса империи в целом, ситуация, по оценкам российских наблюдателей, стала еще более тревожной. Во-первых, было очевидно, что Германия и Россия все более удаляются друг от друга, и этот процесс постепенно приобретает необратимый характер. Во-вторых, курс на сближение с поляками, замена почти неизменно репрессивных мер на примиренческие, ослабление германизаторской политики в Познани и Западной Пруссии создавали определенные осложнения для российских властей в Привислинском крае. В июле 1893 г. Шувалов отмечал, что «польская партия поддержкой, оказанной военному закону, заслужила особое расположение германского правительства... поляки ... стремятся к достижению ослабления мер, принятых германским правительством в последние годы по онемечиванию польских областей империи». Главе

¹² Там же. Л. 262—283.

¹³ Там же. Л. 283.

¹⁴ Там же. Л. 260.

¹⁵ Цит. по: *Trzeciakowski L. Polityka polskich klas posiadających w Weilkopolsce w erze Capriwiego (1890—1894). Poznan, 1960. S. 104.*

¹⁶ АВПРИ. Ф. 138. Канцелярия. Оп. 470. Д. 16. 1891 г. Л. 321—322.

польского коло Ю. Косцельскому был вручен высокий орден Короны второй степени, а различные печатные органы начали обсуждать вопрос о введении польского языка в программу школьного обучения, чем, по мнению российских дипломатов, было «уже намечено, в каком именно направлении германскому правительству придется удовлетворять требования польской партии»¹⁷. Самым примечательным в этой депеше было даже не ее содержание, вполне отражающее введение «нового курса» в польскую политику, а комментарий, который российский министр иностранных дел оставил на ее полях: «Величайшая и непростительная ошибка германского правительства!»¹⁸

В этом комментарии, конечно же, не опасение за судьбу германских проектов на западных польских землях и даже не вопрос отсутствия преемственности между нынешним курсом и тем, который проводил Бисмарк на протяжении 30 лет и который, в свою очередь, продолжал польскую политику, сложившуюся ранее, а только беспокойство, что изменения, наблюдаемые в прусской Польше, неминуемо отразятся на ситуации в ее русской части, а никакого сотрудничества между двумя державами в этот период ждать не приходилось.

Фигура Бисмарка в контексте польского вопроса и отхода новых властей Германии от жесткого курса по отношению к польскому населению вновь возникает на страницах дипломатических депеш осенью 1894 г., незадолго до отставки графа Каприви, в связи с посещением делегаций вначале познанских, а затем западнопрусских немцев бывшего имперского канцлера в его имени. Первая депутация, состоявшая из 1700 (!) человек, явилась в Варцин с благодарственным адресом «за его многолетние труды по утверждению немецкого элемента в польских провинциях Пруссии». Вся деятельность Бисмарка, по оценке посла П.А. Шувалова, была направлена «к осуществлению их желаний, несовместимых с государственной идеей германского единства»¹⁹. Политика Каприви в польском вопросе, проводимая по инициативе императора, по мнению российских дипломатов, «под давлением парламентской необходимости» изменила устоявшийся курс. «Делая ... уступку за уступкой требованиям польской партии, нынешнее германское правительство еще далеко не удовлетворило этим требованиям, и чем мягче оно действует, тем более притязательности и несговорчивости встречает со стороны поляков»²⁰.

Интересно, что реакция Бисмарка на эту депутацию была не совсем такой, как ожидали ее представители и российские наблюдатели. Здесь необходимо сделать небольшое предварительное замечание. После своей отставки, особенно в бытность канцлером Каприви, «творец германского единства», оскорбленный и самим фактом своего отстранения от дел, и тем сломом курса, который произошел сразу же после этого отстранения, искал и часто находил возможности открыто и публично выступать против своего преемника и даже против императора. Самыми вопиющими в этой связи были разоблачения, которые он сделал, включая перенос в публичную сферу содержания тайных договоров, заключенных Германией с иностранными государствами в период, когда Бисмарк возглавлял внешнеполитическое ведомство страны. В частности, речь идет о разоблачении (на страницах *Hamburger Nachrichten*, в чрезвычайно примечательной статье «Бисмарк и Россия», вышедшей в свет 24 октября 1896 г.²¹) тайного российско-германского Договора перестраховки (1887), который по ряду причин не был продлен весной – летом 1890 г.²²

¹⁷ Там же. Д. 17. 1893 г. Л. 161–162.

¹⁸ Там же. Л. 161.

¹⁹ Там же. 1894 г. Л. 169.

²⁰ Там же. Л. 170.

²¹ URL: https://www.europeana.eu/de/item/9200338/BibliographicResource_3000119011393?anno=https%3A%2F%2Fdata.europeana.eu%2Fannotation%2F9200338%2FBibliographicResource_3000119011393%2F225b4018d4b139bccc4601899ecef11c&page-1#annotations (дата обращения: 17.03.2025).

²² Подробнее об этом см.: *Камкин А.К.* Германия – Россия: договор о подстраховке 1887 года – упущенный мирный шанс истории Европы // *Современная Европа*. 2011. № 1 (45). С. 126–138; *Штеллер Ф.* О причинах непродления договора перестраховки в 1890 году // *Новая и новейшая история*. 2021. № 6. С. 44–54. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013038640017181-7>

Однако осенью 1894 г. Бисмарк был значительно более сдержан, что стало даже несколько неожиданно для наблюдателей. При этом он предложил видеть врагов Германии не во всех поляках, а лишь в «дворянстве и ксендзах». По мнению Бисмарка, крестьянство может быть довольно любой политикой, лишь бы она была «справедливой». Идея в этом выступлении была заложена вполне очевидная — Колонизационная комиссия должна работать прежде всего с помещичьим землевладением — именно оно представляет «опасность немецкому господству в польско-прусских областях» — и «продавать приобретенную от помещиков землю местным крестьянам, хотя бы и польского происхождения, небольшими участками и на льготных условиях»²³.

Не вдаваясь подробно в данной статье в экономические и экономико-политические аспекты прусской политики в польском вопросе, которые уже были предметом нашего специального рассмотрения²⁴, хотелось бы обратить внимание на иные проблемы, более значимые в свете настоящего исследования. Польское население, как известно, было разделено не только между Пруссией и Россией, но и Австрией. Именно монархия Габсбургов имела самый значительный в регионе опыт налаживания межэтнического взаимодействия и политики по отношению к национальным меньшинствам. Австрийский пример²⁵ в польском вопросе являлся постоянным фактором раздражения не только для российских, но и для прусских властей, несмотря на союзнические отношения Центральных держав.

Поводом к появлению в депешах из Берлина австрийской темы стала проходившая во Львове в июне — октябре 1894 г. так называемая Галицкая краевая выставка, призванная продемонстрировать культурные и цивилизационные достижения галицийских поляков. Данное мероприятие было посвящено столетию Польского восстания 1794 г. Главным опекуном выставки являлся австрийский император Франц Иосиф I. Это позволило полякам писать (эту цитату также приводит российский посол), что газета «Познанский дневник» (*Dziennik Poznański*. — *А.М.*) «в упоении галицко-польских торжеств Львовской выставки восклицает: “если бы полякам пришлось ныне избирать себе короля, то они не нашли бы лучшего монарха, чем император Франц-Иосиф!”»²⁶. На банкете в честь открытия выставки уже неоднократно упоминавшийся Косцельский, которого Шувалов характеризует как «любимца императора Вильгельма» и «придворного поляка», заявил: «Польша остается неразделимой, несмотря на свою разрезанность “на географической карте”, столь тяжелую для всякого поляка ... народ остался единым, с одним сердцем, которое везде одинаково чувствует и отзывается. Прусские поляки научились у своих Галицийских братьев работать для общего блага, собирать политические силы и познали ту мудрость, которая приказывает чувству молчать, дабы не высказать чего-либо такого, что может принести польскому народу вред вместо пользы»²⁷.

Российские дипломаты полагали, что для австрийской стороны примирительная по отношению к полякам политика безопасна и даже «не безвыгодна». Тот же курс в Пруссии вызывал у них скорее удивление и непонимание: «Для меня остается до сих пор непонятным, какие выгоды может извлечь Германия из своей настоящей сочувственной полякам внутренней политики?»²⁸ Шувалов пытался поделиться своим беспокойством с властями

²³ АВПРИ. Ф. 138. Канцелярия. Оп. 470. Д. 17. 1894 г. Л. 172 об.

²⁴ Матвеева А.Г. Канцлер Каприви и поляки... С. 112–127; *Ее же*. Польское меньшинство в Германской империи — аграрный аспект правительственной политики и противодействие польского населения в конце XIX — начале XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016172-8-1/?ysclid-m8onnq5kjk276813206> (дата обращения: 12.03.2025). DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840016172-8>

²⁵ Подробнее см.: Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М., 1995; *Клопова М.Э.* Национальные движения восточнославянского населения Галиции в контексте отношений России и Австро-Венгрии 1898–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; *Шарый А.В., Шимов Я.В.* Австро-Венгрия: судьба империи. М., 2019 и др.

²⁶ АВПРИ. Ф. 138. Канцелярия. Оп. 470. Д. 17. 1894 г. Л. 174.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 176.

в Петербурге: «Смею полагать, нам необходимо зорко следить за развивающейся деятельностью Познанских поляков на нашей границе и не забывать, что слепая ненависть к России руководит их действиями, грозя нам не менее, нежели со стороны их Галицийских соотечественников»²⁹.

В это же время с политическими заявлениями выступил и архиепископ Познаньский и Гнезненский Ф. Стаблевский, который в интервью немецкой газете *Börsen-Courier* сказал буквально следующее: «Мы сознаем себя прусскими подданными, что ожидает нас через 200—300 лет, этого никто не знает, а потому и нельзя воспретить нам рисовать себе картины этой отдаленной будущности согласно нашим желаниям»³⁰. В рассматриваемый период российское посольство отмечает постоянные попытки австрийской печати, «не столь стесненной, как прусская, в изложении своих истинных стремлений», изобразить поляков не просто лояльными подданными двух центральноевропейских империй, но и защитниками Европы от «варваров с Востока». Российские дипломаты приводят слова краковской *Gazety narodowej*: «Мы уверены, что политика Тройственного союза заставит его (Тройственный союз. — А.М.) помочь полякам добиться самостоятельности для защиты западной цивилизации от напора с Востока (!) (так в тексте. — А.М.). Вот почему мы останемся верны державам Средней Европы; от них ожидаем мы защиты нашего национального существования, и в этой уверенности кроется истинная причина лояльности прусских и австрийских поляков»³¹.

Представляется маловероятным, что российские дипломаты самого высокого уровня сообщали в Петербург сведения, призванные не информировать, а «нагнетать обстановку», поэтому можно с большой долей уверенности констатировать, что «антирусский фактор» и позиционирование себя защитниками от ожидаемой российской агрессии были той козырной картой, благодаря которой поляки Австрии и Пруссии требовали преференций или, по крайней мере, невраждебного курса. Рассуждая о польской стратегии еще с момента восстания 1863—1864 гг., современный историк Я. Рыдель так оценивает имевшийся у них выбор: «Если поляки не могли продолжать свою борьбу за свободу против всех трех захватчиков одновременно, поскольку она влекла столь большие потери, что ставилось под угрозу само существование польской нации, то было бы логичным попытаться договориться с одним из захватчиков. Но с кем? С Россией это было совершенно невозможно! ... Договариваться с Пруссией Бисмарка, который недвусмысленно декларировал враждебность к полякам? Исключено! Если рассуждать методом исключения, то ответ напрашивается сам собой»³². По мнению польского политического класса, Австрийская империя (а затем и Австро-Венгрия) была той страной, где поляки могли получить максимальные уступки. Действительно, галицийская автономия касалась статуса польского языка, местного самоуправления, образования, здравоохранения, социальной сферы и сельскохозяйственной политики. Изменения в прусской политике после ухода Бисмарка в отставку давали и жителям Познани и Западной Пруссии надежду, что власти пойдут по австрийскому пути. Для того чтобы «облегчить» им этот выбор, пресса и видные общественные и политические деятели (такие как Косцельский и Стаблевский) всячески подчеркивали свою полезность и даже незаменимость в будущем сопротивлении «неминуемой российской агрессии». «Запугивание Европы воинственными якобы замыслами России входит, как видно, в программу поляков. “Неужели, — говорит архиепископ Стаблевский, — немцы полагают, что Россия в случае несчастной для них войны не захватит Познани только по той причине, что эту область удастся к тому времени онемечить? Подобное суждение было бы недостойным государственных людей. Победоносная Россия возьмет себе и Данциг, и весь край по его

²⁹ Там же. Л. 176 об.

³⁰ Там же. Л. 191.

³¹ Там же. Л. 192.

³² *Рыдель Я.* Поляки Габсбургской монархии в 1914—1918 гг.: причины, характер и пределы лояльности // *Народы Габсбургской монархии в 1914—1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств.* Т. 1 / отв. ред. М. Волос, Г.Д. Шкундин. М., 2012. С. 170.

сторону Вислы, подобно тому, как она уже поглотила гораздо большие области, чуждые ей по вере, языку и обычаям”. Рисуя подобные картины, польские патриоты стремятся доказать Австрии и особенно Пруссии, что прямой интерес Тройственного союза заключается в потакательстве их планам — в настоящем и в восстановлении Речи Посполитой — в будущем в виде оплота против России»³³.

Поляки стремились (и это совершенно объяснимо теми условиями, в которых они оказались) максимально использовать противоречия, возникавшие между державами, участвовавшими в разделах Речи Посполитой, и даже создавать их. Бисмарк прекрасно осознавал, что поляки придерживались именно этой тактики: «Упомянув о стремлении некоторых поляков и их немецких единомышленников создать независимую Польшу из одной “конгрессовки” (русских польских губерний) в виде буферного государства против России, маститый оратор сказал: “Я не понимаю, каким образом цель эта могла бы быть достигнута без распада всего существующего в Европе порядка вещей? Допустим, что удалось бы создать Герцогство Варшавское в увеличенных против прежнего размерах, оно было бы клином в теле Австрии и означало бы конец австро-германскому союзу. Но если бы даже и все Королевство Польское воскресло, то и в таком случае это было бы несчастьем для Германии, по моему убеждению, русское соседство, хотя оно часто и неудобно для нас, все же безопаснее польского”»³⁴. Постепенно, однако, картина менялась.

Россия, Германия и Австро-Венгрия (и это диктовалось их уже столетним опытом владения польскими землями) нуждались в координации политики и в соотношении своего курса в провинциях, населенных поляками, с мероприятиями, которые инициировали их соседи на сопредельных территориях. Однако расстановка сил, возникшая в процессе институционального оформления системы союзов великих держав в Европе в конце XIX в., способствовала появлению новых приоритетов. Чем дальше, тем больше каждая из сторон действовала по отношению к польскому национальному меньшинству исходя из собственных стратегических целей, все меньше оглядываясь на соседей. Данный процесс в принципе имел в своей основе понятную логику — польское население находилось в составе разделивших Речь Посполитую держав уже достаточно долго, и их власти по праву считали эти земли своими, а их жителей — австрийскими, прусскими или российскими подданными польской национальности. В то же время самими поляками, «начиная с середины XIX столетия, с усилением национализма среди польских элит, три империи ... все в большей мере расценивались как чужеземные завоеватели, лишенные какой-либо легитимности»³⁵. В каждой из стран имелись свои особенности. Для Австро-Венгрии или России польский вопрос был только одним из многих национальных вопросов в их границах, для Пруссии/Германии наличие национального меньшинства было в общем уникальным явлением, в России и Пруссии камнем преткновения становились еще и религиозные различия, которых не было в Австро-Венгрии. Этот ряд можно продолжать, затрагивая экономические, политические и иные особенности, включая цивилизационные.

Вариантов польской политики у держав, которые ни в коем случае не допускали возможности воссоздания даже частично независимой Польши, в целом было два. Первый — путь уступок и создания особых условий для существования польского национального меньшинства, по которому пошла Австро-Венгрия, введя уже упоминавшуюся выше «квазиавтономию Галиции». Путь этот необходимо рассматривать, как нам кажется, в жесткой связи с превращением Австрии в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию, когда у Габсбургов, по сути, не осталось иных способов сохранения власти в империи.

Второй путь — ассимиляционный, унификационный, который поляки воспринимали как репрессивный, т.е. максимальное приведение порядков в польских провинциях

³³ АВПРИ. Ф. 138. Канцелярия. Оп. 470. Д. 17. 1894 г. Л. 193.

³⁴ Там же. Л. 187 об. — 188.

³⁵ *Ленинетт III*. Яблоко раздора: Польша под господством Германии и Австро-Венгрии (1900—1917) // Империи, нации, регионы. Имперские концепции в России и Германии в начале XX века / под ред. А. Чубарьяна, А. Вирцинга. Берлин; Бостон, 2018. С. 51.

к общим для всего государства правилам. Сохранявшиеся различия всегда шли во вред общему. Примером тому было наличие конституции Царства Польского при ее отсутствии в Российской империи. Представители политического класса (так как основную массу населения конституционные вопросы заботили далеко не в первую очередь) считали это положение вещей ущемлением прав большинства в угоду меньшинству, а меньшинство все равно полагало, что имеет слишком мало, чтобы примирить жителей польских провинций с утратой государственной самостоятельности и нахождением в составе Российской империи. Распространение общих порядков – в религиозной сфере, сфере образования и управления – воспринималось польским населением в Пруссии (политика Культуркампфа, принятие Колонизационного закона 1886 г.) и в России (мероприятия 1860–1870-х годов, направленные на формирование общеимперской политической системы, упразднение наместничества и создание Варшавского генерал-губернаторства) как ущемление их прав, политику, глубоко враждебную полякам. Упомянутые выше меры, которые проводились одновременно в Германии и России, очевидно свидетельствуют о координации между двумя великими державами. Поэтому трудно согласиться с утверждением С. Ленштедта³⁶, который оценивает отношения трех империй на протяжении полутора столетий как постоянный конфликт вокруг польского вопроса. Нам кажется, что правильнее было бы выдвинуть иной тезис. Пока ситуация в Европе не стала конфронтационной, пока существование двух противоборствующих блоков государств не являлось достоянием гласности, до тех пор определенное взаимодействие (по крайней мере, «оглядка на соседа») при формировании политического курса сохранялось. Впрочем, для всех трех империй вплоть до конца 1890-х годов польский вопрос оставался прежде всего внутренним – внутриполитическим и внутриэкономическим. Лишь накануне и в годы Первой мировой войны внешнеполитическая составляющая окончательно стала основной.

Темой нашего небольшого исследования не случайно стал период до перехода Германии к «мировой политике», который датируется 1897 г. Курс Бернгарда фон Бюлова в польском вопросе в условиях превращения внешнеполитической стратегии в национальную идею³⁷ и связанного с этим многократно увеличившегося запроса на консолидацию общества требует особого исследования, которое в значительной степени может быть основано на дипломатических документах российского посольства в Берлине. В данной же статье нам хотелось рассмотреть переходный период от политики Отто фон Бисмарка, который, несмотря на неуклонно осложнявшиеся отношения между державами, видел в России государство, «осторожно добрососедские» отношения с которым являются гарантией безопасности восточной границы Германии, к политике, начало которой было положено отказом от Договора перестраховки, противостоянием с Россией, в основе которого лежала уверенность, что война на два фронта может быть для Германии победоносной. В этой парадигме власти в Берлине стали видеть в провинциях Познань и Западная Пруссия прежде всего поле будущей борьбы с Россией, а потому население данных территорий должно было стать максимально «прусским», т.е. верными подданными Германской империи. Вопросы межимперского взаимодействия и формирования схожего политического курса в немецкой и русской Польше перестали интересовать и Берлин, и Петербург.

Библиография / References

Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М., 1995.

Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 15. Польское восстание 1863 года. М., 2013. С. 7–138.

Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания: в 3-х т. / пер. с нем. под ред. А.С. Ерусалимского. Т. 1. М., 1940.

³⁶ Там же. С. 51–61.

³⁷ Подробнее см.: Матвеева А.Г. Эволюция системы власти Германской империи в 1890–1914 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2024.

Григорьянц Т.Ю. Германская политика на польских землях в 70–90 гг. XIX века // *Studia historica slavo-germanica*. 1977. Т. 6. С. 89–112.

Камзолова А.А. Польское восстание 1863–1864 гг. в контексте европейской дипломатии: современные оценки российских историков // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5. История*. 2023. № 1. С. 68–74.

Камкин А.К. Германия – Россия: договор о подстраховке 1887 года – упущенный мирный шанс истории Европы // *Современная Европа*. 2011. № 1 (45). С. 126–138.

Клопова М.Э. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в контексте отношений России и Австро-Венгрии 1898–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

Ленинград III. Яблоко раздора: Польша под господством Германии и Австро-Венгрии (1900–1917) // *Империи, нации, регионы. Имперские концепции в России и Германии в начале XX века* / под ред. А. Чубарьяна, А. Вирцинга. Берлин; Бостон, 2018. С. 51–61.

Матвеева А.Г. Канцлер Каприви и поляки: «новый курс» в политике Германии в 1890–1894. М., 2008.

Матвеева А.Г. Политика правительства Каприви в сфере преподавания польского языка в Познанской провинции в 1890–1894 годах // *Славяноведение*. 2000. № 3. С. 71–80.

Матвеева А.Г. Политика Пруссии в польских землях в первой половине XIX века // *Новая и новейшая история*. 2013. № 1. С. 92–103.

Матвеева А.Г. Польское меньшинство в Германской империи – аграрный аспект государственной политики и противодействие польского населения в конце XIX – начале XX в. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2021. Т. 12. Вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016172-8-1/?ysclid=m8onnq5kjk276813206> (дата обращения: 12.03.2025). DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840016172-8>

Матвеева А.Г. Эволюция системы власти Германской империи в 1890–1914 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2024.

Рубинштейн Е.И. Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX – начале XX века. М., 1953.

Рыдель Я. Поляки Габсбургской монархии в 1914–1918 гг.: причины, характер и пределы лояльности // *Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств*. Т. 1 / отв. ред. М. Волос, Г.Д. Шкундин. М., 2012. С. 169–178.

Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991.

Тэйлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе 1848–1918 / пер. с англ. А.О. Зелениной и Д.Э. Куниной, вст. ст. и ред. М.Н. Машкина. М., 1958.

Фалькович С.М. Национальное возрождение народа в условиях территориально-государственной раздробленности (на примере истории западных польских земель) // *Научный вестник Ужгородского университета*. 2003. Вып. 8. С. 19–23.

Шарый А.В., Шимов Я.В. Австро-Венгрия: судьба империи. М., 2019.

Штеллнер Ф. О причинах непродления договора перестраховки в 1890 году // *Новая и новейшая история*. 2021. № 6. С. 44–54. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013038640017181-7>

Якубчик В. Прусская колонизация польских земель и ее вдохновители (1886–1918 годы) // *Советское славяноведение*. 1973. № 1. С. 29–39.

Airapetov O.R. Tsarstvo Pol'skoe v politike imperii v 1863–1864 gg. [The Kingdom of Poland in the Politics of the Empire in 1863–1864] // *Russkii sbornik. Issledovaniia po istorii Rossii*. Т. 15. Pol'skoe voss-tanie 1863 goda [Russian Collection. Studies on the History of Russia. Т. 15. The Polish Uprising of 1863]. Moskva, 2013. S. 7–138. (In Russ.)

Avstro-Vengriia: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva [Austria-Hungary: the experience of a multinational state] / отв. ред. Т.М. Islamov, А.И. Miller. Moskva, 1995. (In Russ.)

Bismark O. fon. Mysli i vospominaniia [Thoughts and Memories]: v 3-kh t. / per. s nem. pod red. A.S. Erusalimskogo. Т. 1. Moskva, 1940. (In Russ.)

Fal'kovich S.M. Natsional'noe vozrozhdenie naroda v usloviakh territorial'no-gosudarstvennoi raz-droblennosti (na primere istorii zapadnykh pol'skikh zemel') [National Revival of the People in Conditions of Territorial and State Fragmentation (on the Example of the History of Western Polish Lands)] // *Naukovii visnik Uzhgorods'kogo universitetu* [Scientific Bulletin of the Uzhhorod University]. 2003. Vip. 8. S. 19–23. (In Russ.)

Grigor'iants T.Iu. Germanskaia politika na pol'skikh zemliakh v 70–90 gg. XIX veka [German Policy on Polish Lands in the 70–90s of the 19th Century] // *Studia historica slavo-germanica* [Historical Studies of Slavic-Germanic Languages]. 1977. Т. 6. S. 89–112. (In Russ.)

Iakubchik V. Prusskaia kolonizatsiia pol'skikh zemel' i ee vdokhnoviteli (1886–1918 gody) [The Prussian Colonization of Polish Lands and Its Inspirers (1886–1918)] // *Sovetskoe slavianovedenie* [Soviet Slavic Studies]. 1973. № 1. S. 29–39. (In Russ.)

Kamkin A.K. Germaniia – Rossiia: dogovor o podstrakhovke 1887 goda – upushchennyi mirnyi shans istorii Evropy [Germany – Russia: The Insurance Treaty of 1887 is a Missed Peaceful Chance for the History of Europe] // Sovremennaia Evropa [Modern Europe]. 2011. № 1 (45). S. 126–138. (In Russ.)

Kamzolova A.A. Pol'skoe vosstanie 1863–1864 gg. v kontekste evropeiskoi diplomatii: sovremennye otsenki rossiiskikh istorikov [The Polish Uprising of 1863–1864 in the Context of European Diplomacy: Modern Assessments by Russian Historians] // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Serii 5. Istoriia [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 5. History]. 2023. № 1. S. 68–74. (In Russ.)

Kloпова M.E. Natsional'nye dvizheniia vostochnoslavianskogo naseleniia Galitsii v kontekste otnoshenii Rossii i Avstro-Vengrii 1898–1914 gg. [National Movements of the East Slavic Population of Galicia in the Context of Relations Between Russia and Austria-Hungary 1898–1914]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moskva, 2010. (In Russ.)

Lensttedt Sh. Iabloko razдора: Pol'sha pod gospodstvom Germanii i Avstro-Vengrii [The Apple of Discord: Poland under the domination of Germany and Austria-Hungary] (1900–1917) // Imperii, natsii, regiony. Imperskie kontseptsii v Rossii i Germanii v nachale XX veka [Empires, Nations, Regions. Imperial Concepts in Russia and Germany at the Beginning of the 20th Century] / pod red. A. Chubar'iana, A. Virtsinga. Berlin; Boston, 2018. S. 51–61. (In Russ.)

Matveeva A.G. Evoliutsiia sistemy vlasti Germanskoi imperii v 1890–1914 gg. [Evolution of the Power System of the German Empire in 1890–1914]: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. Moskva, 2024. (In Russ.)

Matveeva A.G. Kantsler Kaprivi i poliaki: “novyi kurs” v politike Germanii v 1890–1894 [Chancellor Caprivi and the Poles: the “new course” in German politics in 1890–1894]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Matveeva A.G. Politika pravitel'stva Kaprivi v sfere prepodavaniia pol'skogo iazyka v Poznanskoj provintsii v 1890–1894 godakh [The Caprivi Government's Policy in the Field of Teaching Polish in the Poznan Province in 1890–1894] // Slavianovedenie [Slavic Studies]. 2000. № 3. S. 71–80. (In Russ.)

Matveeva A.G. Politika Prussii v pol'skikh zemliakh v pervoi polovine XIX veka [Policy of Prussia in the Polish Lands in the First Half of the 19th Century] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2013. № 1. S. 92–103. (In Russ.)

Matveeva A.G. Pol'skoe men'shinstvo v Germanskoj imperii – agrarnyi aspekt pravitel'svennoi politiki i protivodeistvie pol'skogo naseleniia v kontse XIX – nachale XX v. [The Polish Minority in the German Empire – the Agrarian Aspect of Government Policy and the Opposition of the Polish Population in the Late 19th – Early 20th Centuries] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2021. T. 12. Vyp. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016172-8-1/?ysclid-m8onnq5kjk276813206> (access date: 12.03.2025) DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840016172-8> (In Russ.)

Rubinshtein E.I. Politika germanskogo imperializma v zapadnykh pol'skikh zemliakh v kontse XIX – nachale XX veka [The Policy of German Imperialism in the Western Polish Lands in the Late 19th and Early 20th Centuries]. Moskva, 1953. (In Russ.)

Rydel' Ia. Poliaki Gabsburgskoi monarkhii v 1914–1918 gg.: prichiny, kharakter i predely loial'nosti [Poles of the Habsburg Monarchy in 1914–1918: causes, nature and limits of loyalty] // Narody Gabsburgskoi monarkhii v 1914–1920 gg.: ot natsional'nykh dvizhenii k sozdaniuu natsional'nykh gosudarstv [Peoples of the Habsburg monarchy in 1914–1920: from national movements to the creation of national states]. T. 1 / otv. red. M. Volos, G.D. Shkundin. Moskva, 2012. S. 169–178. (In Russ.)

Sazonov S.D. Vospominaniia [Memories]. Moskva, 1991. (In Russ.)

Sharyi A.V., Shimov Ia.V. Avstro-Vengriia: sud'ba imperii [Austria-Hungary: The Fate of the Empire]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Stellner F. O prichinakh neprodleniia dogovora perestrakhovki v 1890 godu [On the Reasons Why the Reinsurance Treaty Was not Renewed in 1890] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 6. S. 44–54. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013038640017181-7> (In Russ.)

Teilor A.Dzh.P. Bor'ba za gospodstvo v Evrope [The Struggle for Supremacy in Europe] 1848–1918 / per. s angl. A.O. Zeleninói, D.E. Kuninói, vst. st. i red. M.N. Mashkina. Moskva, 1958. (In Russ.)

Trzeciakowski L. Polityka polskich klas posiadających w Wielkopolsce w erze Capriwiego (1890–1894). Poznan, 1960.